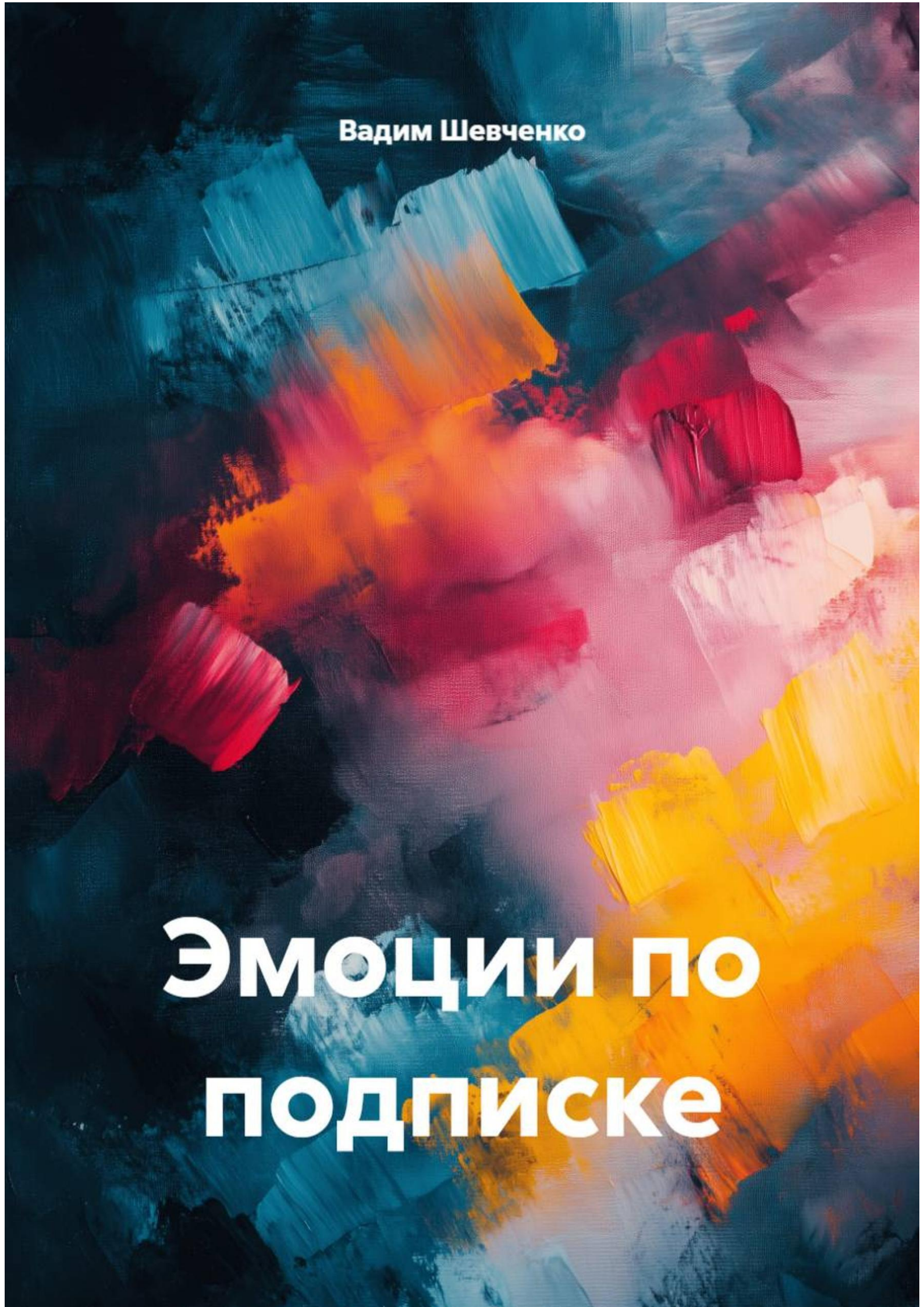

An abstract painting with a textured, expressive style. The background is a mix of dark blues and blacks. Overlaid on this are large, bold brushstrokes in various colors: bright cyan, fiery orange, deep red, and sunny yellow. The colors blend and overlap, creating a sense of movement and emotional intensity. The overall effect is one of raw, unfiltered emotion.

Вадим Шевченко

Эмоции по подписке

Вадим Шевченко

Эмоции по подписке

«Автор»

2026

Шевченко В. А.

Эмоции по подписке / В. А. Шевченко — «Автор», 2026

Мир, где за каждое «Люблю» нужно платить по тарифу. В Москве недалекого будущего больше нет места неконтролируемым страданиям, разбитым сердцам и пьяным дракам. Великая Реформа принесла в страну абсолютную Стабильность: каждому гражданину еще в роддоме вживляют отечественный модуль «Душа», который блокирует любые гормональные всплески. Бесплатный базовый тариф гарантирует лишь покорность и легкую усталость после рабочей смены. Хочешь искренне улыбнуться первому снегу? Подключи пакет «Осенний уют». Желает обнять собственного ребенка с прежним, дочиповым трепетом? Оформи микрозайм на коммерческий пакет «Материнская гордость». Узнайте, какова истинная цена бесплатного дождя в мире, где чувства стали самым дорогим товаром.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Социальный минимум	7
Глава 2. Гаражный кооператив «Якорь»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Вадим Шевченко

Эмоции по подписке

Пролог

До того как мир окончательно высох, у каждого человека внутри была своя погода. Кто-то просыпался с грозой в груди, кто-то носил в себе затяжную осеннюю изморось, а у иных случались редкие, ослепительные майские грозы. Из-за этой погоды люди совершали глупости: бросали престижную работу ради написания корявых стихов, уходили из семей туманными рассветами или годами хранили верность тем, кто их давно забыл.

Государство терпело это долго. Ровно до тех пор, пока экономические графики не показали, что разбитое сердце снижает производительность труда на рекордные сорок два процента, а безответная любовь ежегодно обходится бюджету в миллиарды недополученных рублей.

Тогда пришла Реформа.

Все началось тихо, под предлогом заботы о ментальном здоровье нации. На Госуслугах появилась новая вкладка — «Цифровая гигиена души». В поликлиниках вместе со СНИЛС и полисом ОМС гражданам начали вживлять под кожу, чуть ниже затылочной кости, аккумуляторный отечественный модуль МФЦ-3. По телевизору объясняли доступно: «Хватит страдать. Избавьте себя от боли, тревоги и неуверенности в завтрашнем дне. Доверьте свои чувства профессионалам».

И люди согласились. Потому что устали.

За пять лет страну укутал ровный, стерильный покой. Исчезли очереди в загсах, прекратились пьяные драки во дворах, а показатели раскрываемости преступлений упали до нуля. Зачем грабить или убивать, если модуль намертво блокирует гнев и зависть, оставляя в голове лишь чистый, хрустальный расчет? Наступила великая эпоха Стабильности. Серое небо над панельными многоэтажками наконец-то совпало с серым цветом в человеческих душах.

Но чувства не уничтожили. Их просто перевели на коммерческую основу.

Госкомпания «РосЭмоция» быстро объяснила населению, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Базовый тариф, положенный каждому гражданину по праву рождения, гарантировал лишь покорность, легкую усталость после двенадцатичасовой смены и способность вежливо отвечать на вопросы начальства. Все остальное стало роскошью.

Хочешь искренне улыбнуться, глядя на первый снег? Будь добр, подключи пакет «Осенний уют» за двести девяносто рублей в сутки.

Желаешь переспать с женой не просто ради выполнения демографического долга, а с тем самым, полузабытым трепетом в животе? Извини, на это нужна премиальная подписка «Семейные ценности», а у тебя на карте «Мир» опять отрицательный баланс.

Самые дорогие чувства — вроде жгучей, ломающей ребра гордости за страну или всепрощающей материнской любви — и вовсе выдавались по специальным квотам, ветеранам труда и заслуженным чиновникам. Остальные привыкли жить в кредит. Страна превратилась в огромный конвейер, где люди брали микрозаймы под грабительские проценты в конторах вроде «БыстроСлезы» или «Деньги до зарплаты на Счастье», чтобы просто купить себе четыре часа родительского тепла на день рождения ребенка.

Мир стал предсказуемым. Но где-то в подворотнях, за гаражами у Савеловского вокзала и в промерзших подвалах Капотни, сквозь цифровой шум уже пробивались другие звуки. Старые гитарные струны, запахи контрабандного бензина и слезы, за которые никто не заплатил ни рубля.

Система работала идеально. Пока на её пути не встал человек, чьей работой было эти чувства отключать.

Глава 1. Социальный минимум

Ноябрь в Капотне напоминал затянувшееся похмелье, от которого гражданам забыли выдать законную бесплатную таблетку. Серое небо висело так низко, что, казалось, цеплялось брюхом за ржавые, вечно дымящие трубы нефтеперерабатывающего завода. Оттуда, со стороны промзоны, тянуло приторным химическим запахом и мокрым асфальтом. Этот запах намертво въелся в плотную ткань казенной куртки Матвея. На спине куртки тусклыми светотражающими буквами горело: «Госкомпания РосЭмоция».

Матвей стоял на тринадцатом этаже типичной блочной девятнадцатизэтажки. Стены лифтового холла были выкрашены убогой зеленой краской, которая местами облупилась, обнажая шербатый советский бетон. Чуть выше лифтовой кнопки кто-то нацарапал гвоздем: «Цой жив». Матвей скользнул взглядом по надписи, но внутри ничего не шевельнулось. Чтобы понять, кто такой этот Цой и почему он жив, требовался как минимум коммерческий пакет «Ностальгия. Поп-культура». У Матвея же на рабочем аккаунте Госуслуг висел жесткий, утвержденный Минцифры тариф «Социальный минимум».

Этот тариф держал мысли в идеальном, сером порядке. Пульс — ровно шестьдесят ударов в минуту. Никакой злости на заклинивший лифт, который пришлось ждать десять минут. Никакой радости от того, что через пару часов закончится смена и можно будет съесть дешевую сосиску в тесте у метро. МФЦ-модуль «Душа», аккуратно вживленный под кожу чуть ниже затылка, работал исправно. Он мягко вибрировал, отсекая любые гормональные пики и переводя сознание в режим энергосберегающей исполнительности.

Матвей переступил с ноги на ногу в тяжелых казенных берцах и приложил палец к сенсорному звонку квартиры номер 114. Дверь была оббита старым, потрескавшимся дерматином, из щелей которого торчала серая техническая вата.

Замки щелкнули со второй попытки. Дверь приоткрылась, удерживаемая ржавой цепочкой, и из темноты прихожей на Матвея пахнуло прокисшими щами, сыростью и старым трикотажем. В проеме показалось лицо женщины лет сорока пяти. Полинявший фланелевый халат в цветочек, наспех собранные в пучок жидкие волосы и абсолютно пустой, ровный, стеклянный взгляд. Ее собственный модуль «Душа» тоже работал без сбоев, надежно блокируя банальную человеческую панику перед визитом инспектора.

— Гражданка Петрова Тамара Николаевна? — Матвей не спрашивал, он констатировал. В его руках тускло светился синевой массивный служебный планшет, в защитном резиновом чехле. Экран отражался в мертвых зрачках женщины.

— Да, — голос Петровой был плоским и бесцветным, словно говорил автоответчик в районной поликлинике.

— Извещение в личном кабинете видели? — Матвей скользнул пальцем по экрану, разворачивая карточку должника. — У вас три дня сквозной просрочки по микрозайму в конторе «БыстроСладость». Вы брали целевой коммерческий пакет «Материнская гордость. Максимум» сроком на две недели под триста процентов годовых. Оформляли под выпускной сына. Срок договора истек. Проценты набежали. На балансе минус шестнадцать тысяч рублей.

Женщина аккуратно сняла цепочку и открыла дверь шире. На стене прихожей висел старый календарь с котятами за позапрошлый год и криво приклеенная иконка, на которую у Петровой, очевидно, тоже не было действующей лицензии.

— Матвеюшка, — тихо произнесла она, и это фамильярное обращение прозвучало странно в ее механическом исполнении. — Так Миньку же в армию забрали на прошлой неделе. Из распределителя сразу в часть под Нижний отправили. Мне бы хоть «Тревогу» какую-то на балансе оставить. Ну, чтоб молиться за него по ночам, как у людей заведено. Как

же я без чувства-то? Я же на него через экран телефона смотрю, когда он звонит, а он для меня — как тумбочка из ДСП. Ничего внутри не шевелится. Пусто.

— Не положено, гражданка, — Матвей даже не вздохнул. Инструкция 42-Б запрещала вступать в несанкционированные диалоги с неплательщиками. Жалость в его бесплатную государственную подписку не входила. — Баланс у вас отрицательный. Либо оплачиваете долг прямо сейчас по QR-коду через СБП, либо я дистанционно откатываю ваш профиль до базового заводского уровня. Будет вам полный покой, смирение и стабильность. Для здоровья даже полезно.

Петрова молча отступила на шаг назад, освобождая проход. Из кухни тянуло гарью — на плите явно догорала дешевая вермишель, но женщине на «Социальном минимуме» было абсолютно все равно. Матвей занес указательный палец над крупной виртуальной кнопкой «Принудительный сброс лицензий».

В этот самый момент его личный, старенький телефон, глубоко запрятанный в карман форменных брюк, яростно и требовательно зажужжал. Матвей поморщился. Внутренний регламент «РосЭмоции» строго запрещал держать личные гаджеты включенными во время исполнительных действий. Штраф — половина дневного пайка.

Он сунул руку в карман, собираясь просто смахнуть уведомление и вырубить звук. Но экран телефона уже загорелся. В заблокированном мессенджере висело сообщение от контакта, записанного как «Юра-74». Никакого текста. Только прикрепленный аудиофайл с расширением mp3 и странная, короткая подпись: *«Сектор Газа — Туман»*.

Матвей ткнул пальцем в экран чисто автоматически, намереваясь поставить беззвучный режим, но палец сорвался. Смартфон хриплым, простуженным динамиком выдал полную громкость.

Из динамика, прорываясь сквозь цифровой скрежет и допотопные шумы старой записи, мощно ударил грязный, тяжелый гитарный перегруз. А следом за ним — прокуренный, истошный, живой и до боли родной голос заорал прямо в затхлую пустоту хрущевского коридора: — *Было хорошо, было так легко-о-о... Ночью в кромеишной тьме-е-е...*

В ту же микросекунду за правым ухом у Матвея словно разорвался патрон от дробовика. Модуль в затылке выдал такую мощную, синюю искру, что перед глазами на мгновение полыхнуло фиолетовым. В черепной коробке испуганной скороговоркой зачастил механический системный голос: *«Внимание! Обнаружен критический несанкционированный гормональный всплеск! Ошибка синхронизации! Штраф... Списание баллов... Вызов оперативной...»*

Но Матвей его уже не слышал. Цифровой диктор провалился куда-то в вату.

В нос Матвею будто разом, с размаху ударил густой, забытый запах дедовского мотоцикла «Иж-Юпитер» в полутемном гаражном кооперативе. Запах сырой, примятой травы у речки в Рязанской области, куда его возили в глубоком, еще дочиповом детстве. Запах первой, тайком украденной у отца сигареты «Ява» за крашеной школьной верандой.

В груди разлилась такая бешеная, черная, ломающая ребра тоска, густо замешанная на какой-то дикой, безрассудной, животной воле, что Матвей судорожно, с хрипом глотнул ртом воздух. Сердце, до этого тридцать лет стучавшее ровно, как швейная машинка, пустилось вскачь, выламывая грудную клетку.

По небритой, серой щеке инспектора покатились крупная, обжигающе горячая слеза. Она сорвалась с подбородка и упала прямо на глянцевое стекло казенного планшета, расплывшись жирной кляксой на строчке «Должник: Петрова Т.Н.».

Матвей медленно поднял глаза. Теперь он видел перед собой не «клиента номер 4409», не галочку в отчете для премирования, а испуганную, высушенную государственным пайком мать, у которой забрали единственного сына и теперь отнимали последнюю возможность по нему плакать.

— Петрова, — сиплым, сорванным от непривычной, раздирающей горло эмпатии голосом крикнул он. — Петрова, твою мать! Хватай пальто! Быстро!

Матвей с яростью затыкал пальцем в служебный планшет. Его руки дрожали. Он судорожно зашел во вкладку для служебного пользования и вбил туда мастер-код — один из тех длинных буквенно-цифровых паролей, которые выдавали высшему руководству для демонстрации технологий иностранным делегациям.

— Я тебе эту «Гордость»... И «Любовь»... И «Слезы»... Я тебе всё на год вперед продлил, слышишь? Как благотворительный грант от управления! — Матвей швырнул планшет на грязный пол прихожей. Пластик с хрустом треснул. — Бежим, дура! Сейчас сюда опергруппа «РосГвардии Эмоций» приедет за незаконные чувства! У них глушилки, они нас в овощей за секунду закатают!

Женщина стояла неподвижно, но в ее зрачках вдруг что-то дрогнуло. На периферии ее взгляда, под воздействием взломанного чипа, медленно проступали настоящие, человеческие слезы. Она начала осознавать ужас происходящего.

Сзади, со стороны лестничной клетки, раздался сухой, металлический щелчок. Дверь соседней квартиры номер 115 медленно приоткрылась. Из узкой щели высунулось бледное, серое лицо соседа — пенсионера в засаленной майке-алкоголичке. На его затылке ровно и спокойно горел зеленый светодиод бесплатного тарифа «Ветеран труда. Покорность».

Мужчина посмотрел на тяжело дышащего, плачущего Матвея, перевел взгляд на разбитый планшет и монотонно, без единой интонации произнес: — Наблюдаю несанкционированный плач должностного лица в общественном месте. Порча госимущества. Вызываю дежурный наряд.

Глава 2. Гаражный кооператив «Якорь»

Звук шагов спецназа «РосЭмоции» Матвей ни с чем бы не перепутал. Тяжелые подошвы их ботинок синхронно бухали где-то тремя этажами ниже, а характерный треск портативных глушителей частот уже отзывался в его затылке мелкой, дурнотной дрожью. Блокираторы зачистки работали грубо: они на расстоянии выжигали любые гормональные всплески, принудительно возвращая нарушителей в состояние серого ступора.

— За мной, — Матвей мертвой хваткой вцепился в локоть Петровой.

Женщина, чей чип теперь выдавал максимальный уровень «Материнской тревоги», наконец-то всхлипнула — громко, испуганно, по-настоящему. Этот звук хлестнул Матвея по ушам лучше любого адреналина.

Вместо лифта он потянул её к ржавой железной двери, ведущей на пожарную лестницу. Навалившись плечом, Матвей вышиб хлипкий засов. В лицо ударил ледяной ноябрьский ветер со снегом. Они бежали вниз по скользким металлическим ступеням, цепляясь за леера, пока позади, на тринадцатом этаже, с грохотом вылетал дверной перерыв квартиры 114.

Через пять минут, задыхаясь от непривычного сердцебиения, Матвей затолкнул женщину на заднее сиденье своей служебной «Лады Гранты». Машина, раскрашенная в бело-серые цвета ведомства, стояла во дворе среди разбитых сугробов. Двигатель завелся с натужным ревом. Матвей рванул с места, едва не зацепив мусорный бак, и взял курс прочь из Капотни — туда, где за МКАДом раскинулась бесконечная, утопающая в промзонах глушь.

Юра-74 обитал в самом конце гаражного кооператива «Якорь», зажато между отстойниками очистных сооружений и глухой стеной ТЭЦ. Здесь, среди сотен одинаковых железных коробок, покрытых бурой ржавчиной, не было камер городского видеонаблюдения. Система считала это место мертвой зоной.

Матвей заглушил «Гранту» у тридцать четвертого бокса. Над перекошенными воротами тускло горела голая лампочка, выхватывая из темноты хлопья мокрого снега. Изнутри доносился глухой стук глушителя и тяжелый, ритмичный бас — кто-то крутил старый рок.

Матвей толкнул калитку. В нос сразу ударил густой, родной запах отработки, солярки, вареной химозной резины и дешевого растворителя. Под потолком на цепях висел полуразобраный «УАЗ», а под его брюхом, на засаленном деревянном подкатном лежаке, копошился человек в грязном комбинезоне.

— Юра? — негромко позвал Матвей, придерживая бледную, до сих пор трясущуюся Петрову за плечо.

Человек под машиной замер. Раздался шуршащий звук, и лежак выкатился наружу. Юре на вид было за пятьдесят. Крепкий, с седой щетиной и цепкими, абсолютно живыми глазами, в которых не было и капли казенного смирения. На его затылке, там, где у всех порядочных граждан аккуратно сидел модуль «Душа», топорщился уродливый шрам, грубо стянутый старыми нитками. Юра был «чистым» — из тех, кто вырезал чип еще в первую волну Реформы.

Юра поднялся, вытирая черные от мазута пальцы о ветошь. Он скользнул взглядом по форменной куртке Матвея, затем по заплаканной Петровой. На его губах появилась жесткая ухмылка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.